

И все же усилия МВД в западных губерниях свидетельствуют, что в случае необходимости оно контролировало и координировало работу полиции во и на удаленных землях.

1. История Беларуси : слов.-справ. / под ред. С.Ф. Дубенецкого. – Минск : Эконом-пресс, 2000. – 320 с.
2. Чигринов, П.Г. История Беларуси с древности до наших дней : пособие / П.Г. Чигринов. – Минск : Книж. дом. 2004. – 672 с.
3. Лаптева, Л.Е. Земские учреждения в России / Л.Е. Лаптева. – М. : ИГиП РАН, 1993. – 133 с.
4. МВД России : энциклопедия. – М. : Олма-Пресс, 2002. – 622 с.

УДК 340.1

А.А. Козел

ПРАВО КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ГАРМОНИИ В ПРАВОВОЙ МЫСЛИ БЕЛАРУСИ ЭПОХИ ВКЛ

Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтское, интегрировав в себя ослабленные татаро-монгольским нашествием феодальные белорусские и украинские княжества, в начале XVI в. становится мощным государством с территорией от Балтийского до Черного моря, сильной армией, развитыми по тем временам сельским хозяйством и административной системой, которая эволюционировала от классической до представительной монархии. Очевидны и его культурные достижения, составной частью которых стало право в лице трех статутов, перевод и издание на старобелорусском языке Библии и др. И сегодня впечатляют архитектурные памятники этого периода – Мирский замок, дворцовый комплекс в Воложине.

В социально-классовой структуре ВКЛ самым многочисленным классом были крестьяне, политико-правовое и экономическое положение которых постепенно ухудшалось и впоследствии привело к их тотальной зависимости от господствующих классов. Привилегированное положение в государстве занимала шляхта и высший ее слой – магнаты. Несмотря на то что в первой половине XVI в. вся шляхта была уравнена в правах с магнатской верхушкой, последняя сохраняла руководящую политико-правовую роль и подležала особой юрисдикции [1, с. 117].

На начальном этапе становления ВКЛ детерминировалось православной религией, фундирующей духовное единство народа и задававшей культурно-цивилизационные ориентации в организации социума. Начиная с правления Ягайло сильнейшее воздействие на политико-правовую и культурно-религиозную жизнь в ВКЛ оказывает

Польша и католицизм, а в XVI в. европейский Ренессанс и последовавшая за ним Реформация, утвердившаяся в ВКЛ в основном в виде кальвинизма и арианства (антитринитаризма) как одной из его форм. Европейское Возрождение провозглашало идеи индивидуальной и интеллектуальной свободы человека, веротерпимости, мирного разрешения спорных проблем, что во многом и подготовило наступление Реформации. Различные сословия и слои стремились использовать Реформацию в собственных целях, вкладывая в ее идеи различные социальное и правовое содержание. Кальвинизм приняла средняя шляхта и магнаты, которые хотели отнять у католической церкви земельные угодья и добивались отмены церковной юрисдикции в светских делах, мелкая шляхта ожидала от Реформации улучшения своего экономического положения.

Белорусские мыслители того времени, получая юридическое образование в европейских университетах не только старались усваивать стандартные учебные курсы, но и живо реагировали на общественно-политическую и культурную жизнь, в основе которой находились ренессансные и реформационные идеи. Так, Ренессанс подвигал иначе изучать творчество обязательного для студентов Аристотеля, обращать внимание не на его логику, популярную у средневековых схоластов, а на его политико-правовую философию. Возврат к античным ценностям, которую провозгласили приверженцы Ренессанса, предполагал и новое прочтение римского юридического наследия. Юридические постулаты античности, где право отождествлялось со справедливостью, стали ориентирами для политико-правовых изысканий белорусских мыслителей эпохи ВКЛ. Многогранная жизнь государства немислима без прочной правовой основы – таков лейтмотив их политико-правовых взглядов. Формирующееся в европейских университетах буржуазное юридическое мировоззрение нашло своих приверженцев и в среде студенческой молодежи из ВКЛ. Сутью этого мировоззрения была идея, что религия и мораль как многовековые институты общественной регуляции не теряют своего значения. Недаром Ф. Скорина, освоив печатное дело, сразу перевел на старобелорусский язык и напечатал Библию, затем «Апостол», «Малую подорожную книжицу».

Однако отечественным мыслителям все очевиднее становилось то обстоятельство, что усложнившиеся общественные отношения (особенно городская жизнь) требовали правовой регламентации. Этому способствовало и распространение в городах ВКЛ Магдебургского права. В соответствии с ним польским городам, а затем и городам ВКЛ предоставлялось право на самоуправление, земельную собственность, суды и освобождение от значительной части феодальных повинностей и регулировало торговлю. Высшей апелляционной инстанцией был суд Магдебурга. Польский король Казимир III в 1365 г.

учредил верховный апелляционный суд в Кракове, запретив обращаться в Магдебург [2, с. 213].

Первым городом в ВКЛ с Магдебургским правом стал Вильно в 1387 г., затем Полоцк в 1498 г., Минск в 1499 г., Новогрудок в 1511 г., Могилев в 1577 г., Пинск в 1581 г., Витебск в 1597 г. [3, с. 637]. Ренессансная культура находит питательную почву в городах, ее воспринимают наиболее образованные молодые люди ВКЛ. В гуманизме городское население видело идейное обоснование своей борьбы против шляхетского политического и правового господства и католической экспансии.

Отечественная ренессансная мысль, несмотря на идейное сходство с европейской, имеет ряд особенностей. *Первой особенностью* заключается в том, что в ней отчетливо проявляется связь христианского и ренессансного гуманизма, что дает основания для вывода о синтезе в белорусском Возрождении этих исторических типов человеколюбия. Ф. Скорина в своих предисловиях и послесловиях к «Библии русской» настоятельно обращал внимание читателей на необходимость следования ими главной христианской заповеди – любви к ближнему. Универсальность этой заповеди для индивидуально-личностного и общественно-государственного устройства Ф. Скорина доказывал, ссылаясь на многочисленные примеры библейской истории. Вследствие этого в белорусской гуманистике не получил решающего развития принцип индивидуальной свободы человека, его автономности, что в европейской культуре превратилось в идейные источники зарождения, а затем и функционирования капитализма. Человек должен служить общему благу – таков основной лейтмотив отечественной мысли. Это *ее вторая особенность*. *Третья* заключается в доминировании в общественной мысли этого периода идеи права как основного института государственного управления и фактора гармонизации общественной жизни. *Четвертой особенностью* является тесная связь белорусской гуманистики с идеями и практикой Реформации.

В правовой мысли Беларуси эпохи ВКЛ можно выделить три направления: собственно-гуманистическое (А. Волан, Н. Гусовский, М. Литвин, Л. Сапега Ф. Скорина), умеренное реформационно-гуманистическое (С. Будный, Ф. Социн, В. Тяпинский), радикальное реформационно-гуманистическое (М. Чаховиц).

Ф. Скорина, следуя гуманистической правовой традиции, являлся сторонником теории «естественного права», под которым понимал совокупность вечных и неизменных принципов, правил, ценностей, вытекающих из самой человеческой природы. Естественный, неписанный закон фигурирует у него под названием «прирожденный закон». По мнению Ф. Скорины, «прирожденный закон» должен быть фундаментальным основанием писаного права, которое, являясь человеческим установле-

нием, формируется у народов не одновременно и зависит в первую очередь от уровня развития форм государственной жизни. Само право он рассматривал во взаимосвязи и единстве с моралью, поскольку у них единая основа – «прирожденный закон», написанный Богом «в сердце единого каждого человека» и запечатленный в его разуме. Следуя традиции античной философии (для мудреца право излишне, потому что он делает по собственному убеждению то, что другие – под страхом закона), Ф. Скорина утверждал, что человек нравственный может обходиться и без правовых законов: «Праведному закон не ест положен», так как он живет по извечному «прирожденному закону». Реальная же жизнь, однако, требует правового вмешательства: «И вчинены в суть права, или закон, для людей злых, абы боячися казни, усмирили смелость свою и моци не имели иным ушкодити, и абы добрыи межи злыми в покои жити могли...» [4, с. 64].

К законам и праву Ф. Скорина выдвинул ряд обязательных требований, актуальных и для современного законодательства. Закон должен быть «почтливый, справедливый, можный, потребный, пожиточный, подле приожения, подлуг обычаев земли, часу и месту пригожий, явный, не имея в себе закритости, не к пожитку единого человека, но к посполитому доброму написанный» [4, с. 64]. Закон будет уважаться в обществе, если он будет справедливым. Справедливость закона Ф. Скорина выводил из его нравственных и формально-правовых оснований. Несправедливый же закон озлобляет человека, позволяет его постоянно нарушать. Справедливость (лат. *justitia*), таким образом, у Ф. Скорины приобрела статус универсальной этико-правовой категории. Закон должен быть также прагматичным и работающим, соответствовать времени и обстоятельствам, направленным на достижение общего блага.

Можно выстроить следующую логическую связь оснований закона по Ф. Скорине: разум – общественная необходимость – время и место действия – справедливость – общее благо – прагматичность – открытость для его изучения и, следовательно, нормальное функционирование. Основная задача права – гармонизировать отношения между всеми слоями и классами общества. Оно – не воля господствующего класса, а особый надсоциальный институт, учитывающий интересы всех людей: «Права земская, еже единый кажный народ с своими старейшими ухвалили суть подле, яко же ся им налепей видело быти» [4, с. 64]. Справедливость и общее благо приобретают у Ф. Скорины, таким образом, качества фундаментальных юридических категорий. Он высказывал гениальную догадку о необходимости совпадения закона и права на основе справедливости, общего блага и разума.

С практической точки зрения такая постановка вопроса обеспечивала гуманное судопроизводство, в основе которого, как был убежден

Ф. Скорина, находится справедливость. Судьи должны судить «людей судом справедливым, и да не уклоняться ни на жадную сторону, и да не зрять на лица, и не принимать даров, понеже даров ослепляют очи мудрых людей и zmieniaют слова справедливых. Справедливе, что справедливаго ест чините, абы есте живи были и владели землею...» [4, с. 76]. Ф. Скорина, видимо, не зря привел такую длинную цитату из Второзакония, где, по существу, сформулирован своеобразный кодекс чести судьи.

Мыслитель утверждал также, что судье необходимо быть не только высоконравственным и бесстрастным профессионалом, но и советчиком. Судьи должны вести дела не как «цари или властители вышнии, силу имеющие над ними, но яко ровнии и товарищи, раду им даючи и справедливость межи ими чинячи» [4, с. 76].

Как и античные мыслители, Ф. Скорина объявил закон и право основой гармоничного развития общества: беззаконие разрушает общественный мир, что является величайшим общественным пороком и сопоставимо с понятием греха, поэтому является наказанием Божиим; законность – величайшее общественное благо.

Отечественная правовая мысль в эпоху ВКЛ при развитой правовой системе фиксирует ее многочисленные деформации и несовершенства, которые не способствовали гармонизации общественных отношений в государстве. Особую озабоченность у философов вызывала все усиливающаяся дифференциация юрисдикционности относительно разных сословий, которая вела к нарушению «прирожденного права». Современный белорусский исследователь М.Ф. Спиридонов находит, что, например, вотчинная юрисдикция фактически была шире, чем это определяли законы ВКЛ: «В результате расширения привилегий шляхты крепостные крестьяне полностью оказались во власти своих панов. По отношению к своему пану они не имели никаких прав. Полное бесправие крепостного крестьянства по отношению к феодалам дополнялось ограничением их правоспособности по сравнению с привилегированными сословиями во всех сферах жизни» [5, с. 159].

Как критики сложившейся в ВКЛ политико-правовой практики, дисгармонирующей с идеями Ренессанса и вносящей разлад в общественную жизнь государства, выступали М. Литвин и А. Волан.

М. Литвин в трактате «О нравах татар, литовцев и московитян» (1550 г.) провел сравнительный анализ политико-правовой и экономической практик в ВКЛ, Московском царстве и татарском ханстве. Как и другие отечественные мыслители, М. Литвин большое внимание уделял вопросам политико-правового регулирования, справедливого судопроизводства. Отстаивая интересы небогатой шляхты, он осуждал высшую знать княжества, приспособившую законы к своим выго-

дам. Несправедливо, доказывал мыслитель, когда богатые и бедные имели разные подсудности. Как представитель мелких и средних слоев шляхты, он ратовал за расширение социальной базы власти, так как, на его взгляд, в Литве один человек занимал десять должностей, тогда как все остальные были отключены от их исполнения. Нормой должно быть такое состояние, когда вожди и народ живут по одному закону и вне зависимости от сословия все платят единый налог. Чиновник, обвиненный во взяточничестве, должен привлекаться к суду, даже если это обвинение исходит от плебея [6, с. 94]. Серьезные претензии М. Литвин предъявлял всей системе судопроизводства в ВКЛ, где, как считал он, правила крючкотворство и формализм, а судьи были безнравственными, в юриспруденции несведущими.

Особенно развращало судей право изъятия в их пользу десятины – десятой части (получения пересуда) стоимости вещи за утверждение сделок и договоров. Десятина также полагалась слуге судьи, писарю и председателю суда [6, с. 82]. М. Литвин предъявлял высокие нравственно-правовые требования не только к судьям, но и истцам, и свидетелям. Им, считал он, не место в суде, если они не знают законов, уличены в пьянстве или других пороках. Положительно оценивая правосудие у татар, он указывал и причину этого – следование справедливости. Импонировала М. Литвину и судебная практика у татар, где, в отличие от ВКЛ, все имели одинаковую подсудность.

Как ренессансный мыслитель, М. Литвин доказывал, что жизнь общества, государства и личности должна не только подчиняться правовым законам, но и отвечать правилам морали: от состояния нравственности зависит и могущество государства; человек должен быть трудолюбивым, храбрым, умеренным в еде и «питии», любить порядок, избегать излишеств и роскоши – все это укрепляет государство.

А. Волан, как и Ф. Скорина, исходил из того, что новые общественные отношения требуют правовой регуляции. Его правовые идеи основываются на понятии свободы в правовом контексте (Трактат «О гражданской или политической свободе», 1572 г.). Свобода – это то, что дозволено правом: «Чтобы свобода оставалась цельной и нерушимой и чтобы ею не злоупотребляли алчные, жадные, нечестивые люди, обществом было выработано средство, препятствующее человеческому своеволию и наглости. Таким средством являются законы [7, с. 20]. Он полагал, что не будет свободы в том обществе, где законы отсутствуют или потакают своеволию отдельных граждан. Как ренессансный мыслитель, он вводит понятие справедливого закона: справедливый закон укрепляет гражданскую свободу и не позволяет злоупотреблять добродетелями. Подлинно свободными гражданами можно назвать только тех, кто имеет равные и одинаковые права. Являясь представителем

шляхты, Волян не выступал против ее привилегий, однако в неравенстве видел нечто уродливое и преступное [7, с. 31]. Неравенство перед законом – варварская дикость, полагает мыслитель, ссылаясь на Священное Писание: «Судите по справедливости, не делая никакой разницы братом и чужеземцем, выслушивайте малого так, как и великого, не обращая внимания на личность». По утверждению А. Воляна, такой полнотой свободы, которой обладает шляхта, должны обладать все сословия ВКЛ. Как и Платон, он видел в праве универсальный инструмент достижения благополучия в обществе, его гармонизации. Поэтому его беспокоило отсутствие в ВКЛ комплекса законов, которые обеспечивали бы прочное и счастливое благополучие его граждан как главной цели государства, на которую указывали еще античные мыслители.

Волян обращал внимание читателя и на несовершенство законов, некоторые из которых, он полагал, расходятся с Божьими нормами и, значит, наносят обществу вред [7, с. 52]. В этой связи он предлагает ввести законы, которые карали бы за прелюбодеяние, дисгармонизирующее общественную жизнь. Доказывая необходимость законодательного ограничения пьянства, он ссылается на исторические примеры, библейскую историю, когда пьянство вело к поражениям в сражениях, гражданскому запустению и одичанию [7, с. 75]. В свободном обществе необходимы законы против роскоши: чрезмерное богатство, как правило, вызывало в истории великие бедствия и вело к разрушению самих основ общества.

В гармонизации общественной жизни, по убеждению А. Воляна, важную роль играет правильное истолкование и применение закона. Отталкиваясь от понятия справедливости закона, А. Волян полагал, что норма закона отражает только общее, типичное и поэтому законодатель не в состоянии предусмотреть в ней все случаи жизни. Это влечет за собой особые требования к правоприменителю – судье, задача которого состоит индивидуализировать норму в соответствии с конкретными жизненными обстоятельствами, временем и иными обстоятельствами. Однако, подчеркивает А. Волян, судьи в ВКЛ мало обращают внимание на справедливость, а судьи не считают правомерным хоть в какой-то мере отступить от общей юридической нормы, хотя подлинное правосудие не возбраняет отступления от буквы закона в пользу его справедливости [7, с. 94] как фактора социальной гармонии.

Ренессансная идея мирного развития государства, неприятие военных средств разрешения конфликтов между князьями-магнатами, игнорирование ими законов – темы развиваемые Н. Гусовским в «Песне

о зубре» (1522 г.). Он впервые в отечественной общественной мысли обвиняет господствующий класс в развязывании междуусобных войн и братоубийстве: «Что для князей наша кровь, наши слезы? Им лишь бы править, свое удержать превосходство, вот и творят злодеяния, судьбами люда играют [8, с. 164]. Он в яркой поэтической форме выражал идеал мирной государственной жизни на основе, единых для всех сословий законов.

Главный идеолог протестантизма в ВКЛ С. Будный с целью популяризации в княжестве передовой политико-правовой мысли он печатает в 1577 г. в Лоске книгу известного в Европе польского ученого-правоведа А.Ф. Моджевского «Об исправлении государства», в которой излагались основные идеи зарождавшегося буржуазного юридического мировоззрения, где право объявлялось главным средством социальной регуляции. Будный считал, что право гарантирует веротерпимость и предопределяет гармонию между всеми сословиями и социальными группами в государстве. В своем сборнике «О светской власти» (1583 г.) он заявлял, что король «должен окружать себя людьми умными и учеными, хорошо разбирающихся в законах» [9, с. 77]. После событий Варфоломеевской ночи он считал веротерпимость, основанную на праве, важным элементом гармонизации общественных отношений в государстве.

Таким образом, отечественные мыслители эпохи ВКЛ, развивая идеи человеческой самости и свободы, критически оценивали сложившуюся в княжестве политико-правовую систему, которая не позволяла в полной мере реализовать возрожденческие идеи на практике. В этих условиях они предлагали превратить право в главный инструмент человеческого общежития и государственного управления, фактор социальной гармонии.

1. Гісторыя Беларусі : ў 2 ч. Частка 1. Ад старажытных часоў – па люты 1917 г. : падручнік / Я.К. Новік [і інш.]. – 3-е выд., дапрац. і дап. – Мінск, Выш. шк., 2007. – 398 с.
2. Большая энциклопедия : в 62-х томах. – М. : ТЕРРА, 2006. – Т. 27. – 592 с.
3. Пичета, В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. (исследование по истории соц.-эконом., полит. и культур. развития) / В.И. Пичета. – М. : АН СССР, 1961. – 813 с.
4. Скарына, Ф. Творы / Ф. Скарына. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 207 с.
5. Спиридонов, М.Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.) / М.Ф. Спиридонов. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 223 с.
6. Литвин, М. О нравах татар, литовцев и москвитян / М. Литвин ; пер. В.И. Матузовой ; отв. ред. А.Л. Хорошевич. – М. : МГУ, 1994. – 151 с.
7. Волян, А. Аб грамадзянскай або палітычнай свабодзе / А. Волян ; пер. з лацін. Ул. Шатона. – Мінск : Зміцер Колас, 2009. – 142 с.
8. Гусоўскі, М. Песня пра зубра / М. Гусоўскі. – Мінск : Мастац. літ., 1980. – 192 с.
9. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии : избр. произведения XVI – нач. XIX в. / АН БССР, Ин-т философии ; под общ. ред. В.А. Сербента. – Мінск : АН БССР, 1962. – 524 с.